

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАРКХЕЛ IV

Андрей Северский
ДаркХел-4
Серия «ДаркХел», книга 4

<https://litres.ru/73782366>

SelfPub; 2026

Аннотация

Борьба переносится на поле соперника. И пара слов о Саймоне...

Андрей Северский

ДаркХел-4

Глава 1

Саймон, сразу после событий первой книги

Попрощавшись с Александром, я направился в свой клан. Последнее время на нас совершали набеги представители других кланов тёмных теней – они, поправ честь, на службу перешли к Графине. Сегодняшний день не грозил стать исключением.

Переход между двумя слоями мира давался легко – всего лишь шаг за грань реальности, и вот я уже скольжу сквозь серую пелену, отделяющую человеческий план бытия от нашего. Здесь время текло иначе, но я чувствовал каждую секунду задержки как лишнюю каплю крови моих сородичей, пролитую впустую.

Поселение клана Ночных Теней раскинулось в низине меж двух холмов, поросших неестественно чёрными деревьями с серебристыми прожилками на коре. Наши шатры – не простая ткань, а сгущённая тьма, удерживаемая каркасом из костей древних тварей – создавали причудливый узор на фоне вечного полусумрака этого мира. Тысячи огоньков – кристаллов, впитывающих энергию тёмных источников – мерцали тусклым багровым светом, чуть разгоняя тьму.

Снизился и, сложив крылья, приземлился в центре поселения, у главного шатра – моего шатра. Мои ноги, обутые в мягкую, но прочную броню из чешуи неизвестного зверя, едва коснулись утрамбованной земли, как ко мне уже поспешили.

Первым был Шлисейс, командующий воинами. Его фигура, облачённая в боевой доспех из того же материала, что и мой, но с более грубой отделкой, двигалась с грацией старого бойца. Крылья, сложенные за спиной, имели характерные шрамы – память о сотнях схваток. Лицо Шлисейса, вытянутое, с острыми скулами и глубоко посаженными глазами цвета старого янтаря, выражало смесь облегчения и закипающего гнева:

– Глава рода, – начал Шлисейс, его голос звучал ровно, но я улавливал вибрацию ярости на грани слышимости. – Вы вернулись.

Остановился, позволяя приблизиться. Молчание – иногда лучшее оружие. Я смотрел на Шлисейса, ожидая продолжения. И он не заставил себя ждать:

– Мы потеряли дюжину бойцов, когда произошло последнее нападение, – выпалил он, и его сдержанность дала трещину. – Больше десятка раненых. Четверо не встанут – раны слишком глубоки, тёмная энергия врагов разъедает их плоть даже сейчас. Шаманы борются, но...

Он сжал кулаки, и я видел, как под его тонкой кожей вздулись тёмные вены – признак того, что он едва сдерживает

магическую вспышку гнева.

– И это, – продолжал он, повышая голос, – это случилось, когда вас не было! В который раз! Вы – глава рода, должны быть здесь, с нами, а не быть на побегушках у какого-то охотника!

Воздух вокруг нас словно сгустился. Старейшины за спиной Шлисейса переглянулись, молодые воины опустили взгляды. Тишина, повисшая в лагере, стала почти осязаемой – даже кристаллы стали мерцать не так ярко, словно затаили дыхание.

Позволил себе небольшую паузу, чтобы дать его словам осесть в сознании всех присутствующих. Затем сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между нами до опасного минимума. Тот был выше меня на полголовы и шире в плечах, но в этот момент он непроизвольно отшатнулся.

– Ты слишком много о себе возомнил, Шлисейс! – произнёс я, и каждый звук, казалось, врезался в тишину, как лезвие в плоть. – Или ты забыл, с кем разговариваешь?

Он дёрнул кадыком, но не отвёл взгляда. Храбрость – похвальное качество для воина. Глупость – непозволительная роскошь для того, кто стоит перед главой рода.

– Я помню, с кем говорю, – ответил тот, и в его голосе прорезалась стальная нотка. – Говорю с тем, кто предпочитает общество смертного охотника своему клану в час нужды!

Я усмехнулся. Усмешка вышла невесёлой:

– Ты хочешь бросить мне вызов, Шлисейс? Оспорить моё право главы рода, что перешло ко мне от моего отца?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый, как надгробная плита. Глаза Шлисейса расширились – всего на мгновение, но я уловил этот миг слабости. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, и закрыл. Его взгляд на долю секунды метнулся в сторону, туда, где за пределами поселения, на холме, стояли несколько жалких фигур.

Проследил за его взглядом и тоже глянул туда.

Их было пятеро. Они стояли, опираясь на клюки, их спины были сгорблены, а там, где когда-то росли крылья, зияли безобразные шрамы – культы, затянувшиеся грубой тканью, похожей на кору старого дерева. Они не могли летать. Никогда больше. Они могли только ходить, медленно, мучительно, каждый шаг напоминая себе о том, кем они были и кем стали. Их одежда – мешки из грубой материи – висела на них, как на пугалах. Они жили отдельно, на краю поселения. Им приносили еду – но никто не разговаривал с ними. Никто не смотрел им в глаза. Они были живым напоминанием, ходячим назиданием для каждого, кому вздумается бросить вызов главе рода.

Один из них – когда-то это был сильный воин по имени Сейсаш, бросивший мне вызов лет пятьдесят назад – повернул голову в нашу сторону. Его глаза, запавшие глубоко в

глазницы, смотрели с безнадёжной тоской. Он что-то прошептал, но ветер унёс его слова, и я не расслышал. Впрочем, мне было всё равно.

Снова перевёл взгляд на Шлисейса. Его лицо покрылось испариной, хотя в нашем мире никогда не бывало жарко.

– Ты помнишь Сейсаша, Шлисейс? – спросил я, кивая в сторону холма. – Помнишь, как он стоял здесь, на этом самом месте, и кричал, что я не достоин быть главой? Что мой отец ошибся, передав власть мне? Что он, великий воин, справится лучше?

Шлисейс молчал. Его грудь тяжело вздымалась.

– Я дал ему право выбора, – продолжил, не повышая голоса. – Предложил честный бой. Он согласился. Думал, что его сила и мастерство решат исход. Он не понимал тогда, что сила – не главное.

Воспоминания нахлынули, яркие и болезненные, как старая рана к непогоде. Я видел перед собой не нынешнего жалкого калеку, а того Сейсаша – статного, гордого, с огромными чёрными крыльями, которые в размахе достигали пяти метров. Он вышел тогда на поединок в полной боевой выкладке, его доспех сиял в магическом свете кристаллов, а в руках он сжимал клинок, сделанный из клыка дракона – величайшая реликвия нашего рода, доставшаяся ему от деда.

Я же вышел без доспеха. Без оружия.

Сейсаш расценил это как оскорбление. Он кричал, что я

плюю на традиции, что унижаю его своим пренебрежением. Он не понимал тогда, что моё оружие – не сталь, а сама тьма, текущая в моих жилах.

Бой длился не больше минуты. Противник был быстр – чертовски быстр для своего роста и веса. Его клинок пел в воздухе, рассекая его с такой скоростью, что обычный глаз не уловил бы движения. Но я видел. Я всегда видел больше, чем другие.

Я уклонялся, уходил, танцевал вокруг него, как тень вокруг пламени. Он зверел с каждой секундой, его удары становились всё яростнее и, как следствие, всё предсказуемее. А когда он, обессилев от ярости, на миг открылся, я ударил в ответ.

Одним движением. Одним касанием. Моя ладонь, сгусток чистой теневой энергии, вошла в его грудь, сминая доспех, словно тот был сделан из клочка ткани. Не стал его убивать. Вместо этого сжал внутри него то, что даёт теньям силу, что связывает его с тёмными источниками. Сжал и рванул.

Визг Сейсаша до сих пор иногда снится мне в кошмарах. Но я не жалею.

Когда он упал на колени, истекая кровью и тьмой, подошёл к нему и положил руку на голову. Он смотрел на меня глазами, полными боли и непонимания. Он не знал, что я сделаю дальше.

– Ты проиграл, – сказал я тогда. – По закону рода, про-

игравший изгоняется. Но я не отправлю тебя в никуда. Ты останешься здесь. Будешь жить. Будешь видеть, как живут те, кто сильнее тебя. Будешь помнить.

И я отрубил ему крылья.

Не магией, нет. Это было бы слишком быстро, слишком милосердно. Взял его же клинок – тот самый, из клыка дракона – и срезал крылья у основания. Медленно. С наслаждением. Чтобы он запомнил каждое движение лезвия, каждый хруст кости, каждый разрыв мышц.

Кровь хлестала фонтаном, заливая землю, на которой мы стояли. Сейсаш орал так, что у многих заложило уши. А когда всё закончилось, когда два огромных чёрных крыла упали в пыль, я отбросил клинок в сторону и сказал:

– Живи! И помни!

Он живёт до сих пор. И помнит. Все они помнят.

Снова посмотрел на Шлисейса. Его лицо было пепельно-серым.

– Ты хочешь присоединиться к ним? – прямо спросил я.

Он сглотнул. Его кадык дёрнулся раз, другой:

– Нет... глава рода, – выдавил он. – Я... не бросаю вызов.

– Умно, – кивнул я. – А теперь, Шлисейс, слушай меня внимательно.

Подошёл к нему вплотную и положил руку ему на плечо. Он вздрогнул, но не отстранился.

– Ты прекрасно знаешь, что мы все обязаны Александру, –

сказал я, повышая голос, чтобы слышали не только стоящие рядом, но и те, кто прятался в шатрах, боясь высунуться. — Он выследил и уничтожил тех тёмных, что убивали людей. А это грозило тем, что за нами начали бы охотиться все...

Убрал руку с его плеча и сделал шаг назад, чтобы видеть всех, и продолжил:

— Знаю, можете сказать, что мы прекрасно бы прожили на нашем плане, не вовсе не появляясь в мире людей. Но вы забываете, что они взаимосвязаны и переплетены. Действия там отражаются тут. Маги и Орден Алого Рассвета начали бы запечатывать и отравлять источники энергии, и что бы мы тогда делали? Выходили биться против мириадов? Нас бы просто развоплотили...!

В моём голосе зазвенел металл:

— И теперь, когда Александру нужна помощь, когда он один противостоит той самой Графине, которая скупает наши кланы, я, по-вашему, должен сидеть здесь и ждать?! Нет, Шлисейс! Нет, старейшины! Самое малое, что я могу для него сделать — это помочь ему в деле с Графиной! Хотя бы потому, что если она победит его — она точно придёт за нами. И тогда никакие купола нас не спасут!

Замолчал, давая своим словам время впитаться в их сознание. Тишина стояла мёртвая. Даже ветер стих, словно прислушиваясь.

Шлисейс опустил голову. Его плечи, только что напряжён-

ные до предела, поникли:

– Я понял, глава рода, – тихо сказал он. – Простите мою несдержанность.

– Надеюсь... А теперь, расскажи мне, есть ли у нас какие-то шансы удержать наше нынешнее место? Или придётся искать другое?

Шлисейс поднял голову. Его лицо снова стало маской воина – собранного, сосредоточенного. Он глубоко вздохнул, прогоняя остатки страха и смущения, и я видел, как в его глазах загорается привычный боевой расчёт.

– Глава рода, – начал он, и его голос обрёл прежнюю твёрдость. – Позвольте доложить обстановку подробно.

Кивнул, жестом приглашая продолжать. Старейшины за его спиной подобрались ближе, но на почтительном расстоянии. Молодые воины, осмелев, тоже сделали пару шагов вперёд. Я никого не прогонял – пусть слушают, пусть учатся. Им ещё жить с последствиями наших решений.

– Мы провели разведку после нападения, – сказал Шлисейс, достав из-за пояса небольшой кристалл тёмно-фиолетового цвета. Он активировал его лёгким касанием пальца, и над нашей головой развернулась проекция – карта окрестностей, выполненная в призрачных, мерцающих тонах. Горы, холмы и самое главное, точки – десятки, сотни пульсирующих точек разного цвета и размера.

– Красные – наши враги, – пояснил Шлисейс, указывая на скопление багровых огней на востоке от нашего поселения.

– Их здесь около двух сотен. Это объединённые силы трёх кланов – Кровавых Крыльев, Полночных Странников и, что хуже всего, часть клана Теней Бездны.

Я присвистнул. Клан Теней Бездны – древнейший и сильнейший из всех. Если они действительно перешли на сторону Графини, дело дрянь.

– Синие – наши возможные союзники, – продолжил Шлисейс, указывая на запад, где мерцало с десятков более тусклых огней. – Клан Серебряной Луны выразил готовность помочь, но их глава требует личной встречи с вами, глава рода. Говорит, что не доверяет посредникам.

– Обычная история, – проворчал я. – Ладно, потом.

– У нас есть запасы энергии на три-четыре полномасштабных сражения. Потом источники истощатся, и нам придётся либо отступить, либо искать новые. Но главная проблема не в этом.

– А в чём же?

– В том, что наши враги, – Шлисейс понизил голос, – используют магию, которой раньше не было. Темнее. Злее. Она разъедает наши щиты быстрее обычной. Я сам видел, как один из их шаманов одним ударом пробил защиту нашего воина. Он был мёртв ещё до того, как упал на землю.

Я нахмурился. Это было плохо. Очень плохо.

– Графиня, – выдохнул я. – Она даёт им что-то. Делится

силой. Или, что вероятнее, использует их как проводников для своей магии.

– Возможно, – согласился Шлисейс. – Но если так и дальше пойдёт, следующие дни могут стать для нас последними. Даже с подкреплением от Серебряной Луны мы не продержимся долго.

– Хорошо, Шлисейс, – сказал после недолгого молчания. – Я слышал тебя. А теперь позови ко мне наших шаманов. Нужно установить защитный купол. Двойной.

Он кивнул, убрал кристалл, развернулся и зашагал прочь. Старейшины потянулись за ним, но я окликнул одного из них, самого старого, с седыми космами, выбивающимися из-под капюшона:

– Саашалас, задержись.

Старый шаман остановился, дождался, пока остальные отойдут на достаточное расстояние, и приблизился ко мне. Его лицо, изрезанное морщинами так глубоко, что они казались трещинами в старой коре, выражало привычную мудрую отстранённость. Но глаза – цвета тёмной охры – смотрели остро и цепко.

– Глава рода, – склонил он голову.

– Ты слышал, что сказал Шлисейс? – спросил у него.

– Слышал достаточно, чтобы понять – нам конец, – спокойно ответил старик.

Я невольно улыбнулся. За свою долгую жизнь – а Саашалас был старше меня втрое, если не вчетверо – он научился

называть вещи своими именами без лишних эмоций.

– Не будь так пессимистичен, старик. Ещё не вечер.

– Вечер, глава рода, – покачал он головой. – И ночь близко. Но я сделаю всё, что в моих силах!

Он удалился, и я остался один посреди поселения. Кристаллы мерцали, разгоняя тьму. Где-то вдали завыл хищный зверь – или, может быть, это был не зверь. В этом мире никогда нельзя быть уверенным.

Я облетел территорию, где располагалось наше поселение. Мир, в отличие от человеческого, здесь выглядел иначе. Превалировали серые и тёмные тона, лишь магические каналы, рядом с которыми мы обустроивали жильё, имели другие цвета – тускло-синие, болотно-зелёные, иногда кроваво-красные в местах особенно мощных источников.

С высоты полёта наше поселение казалось игрушечным – россыпь чёрных шатров, окружённая частоколом из костей и зачарованного дерева. За пределами частокола начиналась равнина, поросшая странной растительностью: кусты с листьями, похожими на человеческие ладони, деревья, чьи ветви тянулись к небу, словно в вечной молитве, и трава, которая шелестела даже в полное безветрие.

У нас тоже имелись животные и растения, но они радикально отличались от тех, что были на другом плане. Здесь водились тварюшки, похожие на помесь волка и паука, мы называем их ворг-пауками. Их шкуры используются для из-

готовления доспехов, а яд – для пропитки оружия. По деревьям прыгают клыкастые приматы с шестью конечностями, и их крики по ночам могли бы свести с ума любого человека, не привыкшего к такой какофонии. А в небе парят огромные тени – не то птицы, не то нечто иное, древнее, что спало в пещерах и просыпалось только тогда, когда чувствовало запах свежей крови.

Мы в основном питались энергией тёмных источников. Это был наш хлеб, наше вино, наша жизнь. Вся наша магия базировалась на их основе. Без них мы были бы просто тенями – бессильными, обречёнными на медленное угасание.

Я приземлился у одного из таких источников – главного, расположенного в центре поселения. Он представлял собой углубление в земле, выложенное чёрным камнем, из которого сочилась густая, тягучая жидкость, светящаяся изнутри тусклым фиолетовым светом. Над источником постоянно висела дымка – испарения магии, которые мы вдыхали, насыщая свои тела.

Купол, который хотели возвести, был гениален в своей простоте – система взаимосвязанных барьеров, питающихся от разных источников. Если один источник иссякал, остальные перераспределяли энергию, поддерживая защиту.

Но проблема была, и она являлась существенной.

Чем слабее были источники у поселения, тем быстрее они иссякали. Купол требовал колоссального количества энергии для поддержания во время нападений. Обычный режим

– пассивный – потреблял немного, но стоило врагам начать атаку, как расход энергии взлетал до небес. За час интенсивного боя мы могли сжечь запас, накопленный за месяц.

Поэтому купол возводился достаточно редко. Только в случаях крайней необходимости. Сегодня был именно тот день, когда это стоило сделать. И, как оказалось в дальнейшем, не зря.

Вернулся к шатру шаманов. Они уже суетились, раскладывая инструменты, рисуя на земле сложные узоры, призывая силы, о которых простые воины даже не подозревали. Саашалас стоял в центре этого хаоса, и, как ни странно, хаос подчинялся ему – каждый знал своё место, каждый выполнял свою функцию.

– Саашалас, – позвал я, и старый шаман поднял голову.

– Глава рода, – ответил он, жестом приглашая меня подойти ближе. – Мы почти готовы.

Подошёл к нему, остановившись у края узора, который рисовали его помощники. Это был не просто рисунок – это был сложный магический круг, состоящий из сотен переплетающихся линий, рун и символов, значение которых я знал лишь отчасти. Там были знаки защиты, знаки призыва, знаки отторжения чужеродной магии, знаки, связывающие купол с источниками.

– У нас две задачи, – сказал я, глядя на работу шаманов. – Первая: установить стандартный внешний купол так, чтобы

он охватывал не только поселение, но и территорию за ним в несколько десятков метров. Нужно пространство для манёвра, чтобы наши воины могли встречать врага до того, как он подойдёт ко второму.

Саашалас кивнул, его старые глаза внимательно смотрели на меня.

– Вторая: установить обновлённый внутренний купол, который будет накрывать непосредственно поселение. Если внешний падёт, внутренний должен продержаться достаточно долго, чтобы мы успели либо перегруппироваться, либо... найти другой выход.

Я не договорил, но шаман понял. «Другой выход» означал бегство. Эвакуацию.

– Будет исполнено, глава рода, – ответил тот, и начал издавать новые распоряжения своим подчинённым.

Отошёл в сторону, чтобы не мешаться, и стал наблюдать. Это было завораживающее зрелище.

Пятеро шаманов – самых сильных, помимо Саашаласа – заняли позиции по углам огромного пятиугольника, начерченного на земле. В руках у каждого был жезл – длинная палка из чёрного дерева, увенчанная кристаллом, пульсирующим в такт сердцебиению владельца. Саашалас встал в центре, подняв руки к небу.

Он запел.

Это нельзя было назвать песней в человеческом понимании. Это был звук, вибрация, проникающая в каждую клет-

ку тела, заставляющая кровь течь быстрее, а мысли – яснее. Шаманы подхватили, и вот уже шесть голосов слились в единый гул, от которого воздух вокруг задрожал, пошёл рябью.

Кристаллы на жезлах вспыхнули ярче. Земля под ногами шаманов засветилась – сначала тускло, потом всё сильнее, пока линии магического круга не загорелись ослепительным бело-фиолетовым светом. Свет пополз по линиям, заполняя руны, и те начинали работать – каждая по-своему. Одни вытягивали энергию из источников, другие преобразовывали её, третьи направляли вверх, к небу.

И там, высоко над нашими головами, начала формироваться защитная сфера. Сначала едва заметная, как дрожание воздуха в жаркий день. Потом всё более плотная, материальная, отливающая перламутром всех цветов радуги. Она росла, расширялась, опускалась вниз, охватывая сначала центр поселения, потом окраины, потом территорию за частоколом.

Я смотрел, как внешний купол – огромный переливающийся колпак – накрывает нас, отсекая от внешнего мира. Теперь врагам придётся потрудиться, чтобы пробиться сквозь него. Но это лишь вопрос времени. Вопрос энергии.

Через час границы обоих куполов были установлены. Оставалось только подать энергию из источников, чтобы напитать их до максимума. Но это уже сделают без моего руководства – Саашалас и его шаманы знали своё дело. Мне же стоило повидаться с семьёй.

Потому направился к своему шатру. Он стоял чуть поодаль от остальных, на небольшом возвышении, откуда открывался вид на всё поселение. Четыре опорных столба из костей древнего существа, натянутая между ними тьма, светящиеся кристаллы внутри – моя крепость, мой дом.

Воздух здесь пах иначе – привычными, домашними запахами. Моя супруга, Сейшалиша, поддерживала в шатре особую атмосферу, используя ароматические масла, добытые из редких растений. Сейчас пахло чем-то терпким, чуть сладковатым – запах уюта и безопасности.

Вся моя семья собралась вокруг длинного стола, вырезанного из цельного куска чёрного дерева. За ним могли разместиться два десятка теней, и сегодня почти все места были заняты.

Сейшалиша сидела во главе стола, справа от моего места. Её тёмные волосы, заплетённые в сложную косу, спадали на плечи, а глаза – глубокие, жёлтые, как полная луна – встретили меня с пониманием и лёгкой тревогой. Она была прекрасна – не той мимолётной красотой, что увядает за десятилетие, а вечной, магической, той, что только расцветает с годами. Мы были вместе почти триста лет, и я до сих пор не уставал смотреть на неё.

Рядом с ней сидел наш старший сын, Шейлас. Ему было уже под двести, и он давно обзавёлся собственной семьёй – его супруга, Шисалша, держала на руках их младшую дочь,

которой едва исполнилось десять лет. Девочка спала, при-
чмокивая во сне, и её маленькие крылышки, подрагивали в
такт дыханию.

Напротив них сидел наш второй сын, Шилас, и его ново-
рожденный сын – мой внук – лежал в специальной люльке,
сплетённой из мягких лоз, и тихо посапывал. Шилас гордо
поглядывал на меня, ожидая одобрения. Я кивнул ему – мол,
молодец, продолжай род.

Дальше сидели другие: мои дочери, их мужья, племянни-
ки, племянницы. Двенадцать теней разного возраста, разно-
го положения, но объединённых одним – они были моей кро-
вью, моим будущим, моим наследием.

Когда вошёл внутрь, разговоры стихли. Все взгляды
устремились ко мне. В них читалось ожидание – тревожное,
напряжённое. Они ждали, что я скажу им что-то важное, что
развеет их страхи, что даст надежду.

Но у меня не было слов. Совсем.

Я занял своё место во главе стола. Сейшалиша положила
свою тёплую ладонь на мою руку, и это прикосновение чуть
притупило остроту ощущений.

– Отец, – подал голос Шейлас. – Что происходит? Слухи
ходят самые разные. Говорят, что кланы объединились про-
тив нас. Говорят, что Графиня... она...

– Тише, – остановила его Сейшалиша. – Дай отцу отдох-
нуть.

Благодарно сжал её пальцы и обвёл взглядом своих детей. Такие взрослые уже. Такие сильные. И такие испуганные.

– Всё, что вы слышали – правда, – сказал я, и мои слова упали в тишину, как камни в стоячую воду. – Множество кланов тёмных теней перешли на сторону Графини, и они скоро нападут снова.

Кто-то из дочерей всхлипнул. Шисалша крепче прижала к себе спящую дочь.

– Сейчас шаманы устанавливают защитные купола. У нас есть время.

– Сколько? – спросил Шилас. – Сколько у нас времени, отец?

Я посмотрел на него. В его глазах горел тот же огонь, что когда-то в моих – огонь воина, готового защищать свой дом до последнего вздоха.

– Не знаю, – честно ответил ему. – Может быть, день. Может быть, два. Может быть, неделя, если повезёт. Всё зависит от того, когда Графиня решит нанести следующий удар.

– А что делает твой... друг? – спросила одна из моих племянниц, в её голосе прозвучала нотка упрёка. – Тот охотник, к которому ты постоянно уходишь?

Еле сдержал готовый сорваться с языка резкий ответ. Она имела право знать. Они все имели право знать.

– Александр ДаркХел пытается остановить её там, где мы бессильны, – сказал я. – Он идёт в самое логово Графини.

Если он преуспеет, все наши проблемы решатся сами собой.

– А если нет? – спросила Шианна.

Я посмотрел ей прямо в глаза:

– Если нет... тогда нам придётся решать их самим.

Тишина после моих слов была тяжёлой, как намогильная плита. Увидел, как мои дети переглядываются, как их лица бледнеют, как пальцы сжимаются в кулаки. Они боялись. Я тоже, но не мог показать им этого.

Сейшалиша сжала мою руку сильнее:

– Мы справимся, – сказала она тихо, но так, чтобы услышали все. – Мы всегда справлялись.

Её слова, казалось, чуть разрядили обстановку. Кто-то выдохнул, кто-то кивнул. Напряжение не исчезло, но перестало быть таким удушающим.

– А теперь, – Сейшалиша поднялась, – всем отдыхать. День был тяжёлым. Завтра будет не легче. Расходитесь по своим шатрам. Шейлас, проследи, чтобы дозорные не спали. Шилас, проверь запасы. Остальные – отдыхать.

Они начали расходиться, и я смотрел, как моя семья покидает шатёр. Кто-то оборачивался, чтобы бросить на меня прощальный взгляд, кто-то уходил, не оглядываясь. Через несколько минут в шатре остались только мы с Сейшалишой.

Жена подошла ко мне сзади и положила руки мне на плечи. Её пальцы, прохладные и нежные, массировали напряжённые мышцы, и я почувствовал, как уходит часть боли,

скопившейся за день.

– Ты плохо выглядишь, – сказала она.

– Спасибо, любимая. Ты всегда умела подбодрить.

– Я серьёзно. Ты носишься между мирами, как проклятый, не спишь, не ешь, – её голос слегка дрогнул. – Я боюсь за тебя.

Накрыл её руки своими:

– Всё будет хорошо, – сказал я. – Обещаю.

– Не обещай, – она покачала головой. – Ты не знаешь этого.

Промолчал, не став ничего говорить. Она была права.

– Помнишь, – тихо сказала Сейшалиша, – когда мы только поженились, ты говорил, что хочешь большую семью. Что хочешь, чтобы наш род процветал.

– Помню.

– Ты тогда был таким... молодым. Горячим. Думал, что горы свернёшь, если понадобится.

Я усмехнулся:

– И свернул. Несколько раз.

– Свернул, – согласилась она. – Но горы имеют свойство вырастать заново. А мы – нет.

Повернулся к ней и обнял. Она прижалась ко мне, и я чувствовал, как бьётся её сердце – ровно, спокойно, надёжно. Моя скала. Моя опора. Моя Сейшалиша.

– Я не подведу вас, – прошептал ей. – Ни тебя. Ни детей. Ни внуков. Скорее умру, чем позволю им причинить вам

вред.

– Не смей умирать, – она подняла голову и посмотрела в глаза. – Ты мне нужен живым.

– Постараюсь.

– Иди, – сказала жена, отстраняясь. – Тебе нужно проверить дозорных, поговорить с Шлисейсом, убедиться, что купола работают.

– Ты уверена?

– Иди.

Я поцеловал её – долгий, нежный поцелуй, в который вложил всю свою любовь и всю свою тревогу – и вышел из шатра.

Ночь вступила в свои права. Кристаллы горели ярче, чем днём, разгоняя тьму вокруг. Купола мерцали на границе видимости – внешний, почти прозрачный, и внутренний, более плотный.

Обошёл периметр, переговорил с дозорными, проверил посты. Всё было спокойно. Слишком спокойно. Эта тишина нервировала меня больше, чем любой шум.

«Надолго ли?» – подумал перед возвращением в свой шатёр.

Ранним утром раздался сигнал тревоги.

Подскочил в постели, сердце пропустило удар.

Буквально вылетев из шатра, рванул в воздух, расправив

крылья, и через несколько секунд был уже у границы купола.

Ещё в воздухе увидел страшное – за пределами купола, на равнине, покрытой низкой растительностью, двигались “они”.

Их было много. Очень много. Сотни. Тысячи. Они выходили из темноты, как муравьи из муравейника, и их было так много, что они заслоняли собой горизонт. Но не их количество заставило моё сердце сжаться от леденящего ужаса.

Они были уродливы. Чудовищно, невысказанно уродливы. Это были исчадия, которые не могли бы присниться даже в самом кошмарном сне. Они не принадлежали ни нашему миру, ни миру людей. Они были порождением чего-то иного – тёмного, древнего, злого до самой своей сути.

Одни передвигались на двух ногах, но их тела были изломаны, скручены, покрыты шипами и язвами. Вместо лиц у них были маски боли – рты, растянутые в вечном крике, глаза, полные безумия. Другие ползли на четвереньках, их спины были выгнуты дугой, а из позвоночников торчали костяные наросты. Третьи летели низко над землёй, их крылья были рваными, обожжёнными, и они издавали звуки, от которых кровь стыла в жилах.

Но хуже всего были те, что шли в центре этой армады. Огромные, выше любых тварей, что я видел в своей жизни. Их тела состояли из переплетённых конечностей – сотен рук и ног, сросшихся в единую, пульсирующую массу. Из этой массы то тут, то там вырастали головы: человеческие,

звериные, невообразимые – и они кричали, плакали, смеялись одновременно, создавая какофонию, от которой разум начинал плавиться.

Я сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает ярость. Те ни из других кланов, в прошлые разы получив яростный отпор от нас, и потеряв своих собратьев, уже не хотели нападать на нас лично. И, похоже, им на помощь пришла Графиня, сумев отправить свои создания из Междумирья в наш план.

И в этот момент первая волна исчадий ударила в защитный купол...

Глава 2

Первая волна тварей ударила в купол с такой силой, что я физически ощутил эту вибрацию пятками, стоя на земле в десятке метров от его границы. Звук был странным – не треск, не грохот, а скорее влажное шипение, словно тысячи мокрых туш швыряли на раскалённую сковороду.

Я смотрел, как передние ряды этих уродцев врезаются в переливающуюся поверхность купола – и начинают гореть.

Медленно, мучительно... и даже красиво.

Их тела, покрытые слизью и гноем, вспыхивали не ярким пламенем, а тусклым, синеватым огнём, который пожирал их изнутри. Сначала загорались конечности – пальцы на руках и ногах тлели, как трут, оставляя после себя обугленные культы. Потом огонь перекидывался на туловища, и кожа на-

чинала пузыриться, лопаться, из разрывов вытекала чёрная жижа, которая тут же испарялась с шипением, добавляя в воздух новую порцию смрада.

Они орали.

Тёмные боги, как они орали! Этот звук проникал в самые глубины сознания, заставлял кровь стечь в жилах, а руки – сжимать оружие крепче. Визг, вой, хрип – всё смешалось в одну сплошную какофонию боли и агонии. Их морды, и без того уродливые до невозможности, корчились в предсмертных судорогах, глаза лопались, вытекая горячей жижой, челюсти сводило так, что они кусали собственные языки, разбрызгивая вокруг чёрную, гниющую кровь. Мясо слезало с костей лохмотьями, обнажая трухлявые скелеты, которые ещё несколько мгновений держались вертикально, прежде чем рассыпаться в пепел. И даже кости потом не выдерживали – они превращались в серую мелкую пыль, которую ветер подхватывал и развеивал по равнине, смешивая с прахом тысяч таких же тварей.

– Красиво горите, уроды! – пробормотал стоящий рядом Шлисейс, и в его голосе я услышал мрачное удовлетворение. Лицо, покрытое боевой раскраской, исказилось в хищной усмешке:

– Жрите свою же магию, твари!

Но радоваться было рано. Они не думали отступать, напор только усиливался.

Задние ряды напирали на передних, и те, даже горя заживо, продолжали лезть вперёд, подгоняемые какой-то силой – словно незримая рука с плетью стояла у них за спиной и хлестала, не давая остановиться. Они карабкались по трупам своих собратьев, по ещё дымящимся остовам, по горам пепла, и всё новые и новые волны чудовищ накатывали на наш купол.

Купол гудел.

Он переливался всеми цветами – от нежно-голубого до ядовито-фиолетового, – поглощая энергию ударов и магию, которой были пропитаны эти твари. Я видел, как по его поверхности бегут волны, как он пульсирует, словно живой организм, пытающийся переварить яд, которым его пичкают.

Но постепенно цвета меркли.

Слишком много ударов. Слишком много тварей. Слишком много чужеродной, тёмной, разъедающей магии, которую Графиня вложила в своих исчадий.

Энергия наших источников уходила в купол с бешеной скоростью. Я чувствовал это каждой клеткой своего тела – связь с источниками была для нас такой же естественной, как дыхание. И сейчас я ощущал, как они истощаются, как их сила тает.

– Держите купол! – заорал я шаманам, хотя они и так делали всё возможное. – Саашалас, не дай ему рухнуть!

Старый шаман только кивнул – он был слишком занят, поддерживая песню, чтобы тратить силы на слова.

А потом первые уродцы начали прорываться.

Это случилось на моих глазах. Огромная тварь, похожая на помесь паука и человека – с восемью конечностями, покрытыми чёрной щетиной, и тремя головами, которые непрерывно клацали зубами – с разбега врезалась в купол.

И вместо того чтобы сгореть, она продавила его.

Я видел, как её тела хватило, чтобы погасить защиту в одной точке ровно настолько, чтобы просунуть внутрь одну лапу. Лапа дёрнулась, заскребла по воздуху, ища опору, и нашла её – вцепилась в край разрыва. Следом – ещё одна лапа. И ещё.

Она лезла внутрь, раздирая купол, как гнилую ткань, и я видел, как её спина горит, плавится, стекает чёрными каплями на землю, но та не чувствовала боли – только жажду убивать, только приказ, вбитый в её жалкий, извращённый разум.

– Всем приготовиться! – заорал я, выхватывая клинок. Голос мой, усиленный магией, прокатился над полем боя, достиг каждого воина. – Встречаем гостей! Не дайте им пройти дальше!

Мой собственный меч, выкованный из тёмной стали, закалённый в крови тысячи врагов и вскормленный энергией наших источников, засветился тусклым фиолетовым светом. Он словно предвкушал пир, вибрировал в руке, требуя выпустить наружу всю накопленную за годы силу.

Первая тварь, та самая, трёхголовая, рухнула внутрь, прямо на наши позиции. За ней – вторая, третья, четвёртая... Они падали, как перезревшие фрукты, горящие, воняющие, истекающие чёрной жижей, но всё ещё живые, всё ещё опасные, всё ещё жаждущие убивать.

– Руби их! – крикнул я и бросился вперёд.

Мой клинок вошёл в тело первого монстра, как в гнилое дерево – мягко, с хрустом, почти без сопротивления. Разрубил его пополам, от плеча до паха, и чёрная жижа хлынула мне на грудь, обжигая кожу даже сквозь доспех. Тварь заверещала, задергалась, её три головы забились в агонии, кусая воздух, но я уже выдернул меч и был рядом с другим.

Короткий удар – и голова летит в сторону, разбрызгивая слизь. Ещё один – и третья тварь падает замертво.

Воины моего клана сражались, как одержимые. Как демоны. Точнее, как тени, которыми мы и были.

Их клинки пели в воздухе, разрубая плоть, ломая кости, превращая тварей в кровавое месиво. Крики, лязг оружия, хруст ломаемых конечностей – всё смешалось в один сплошной, оглушительный гул, от которого закладывало уши.

Убитые с их стороны исчислялись уже десятками. Я видел, как один из наших воинов, молодой парень по имени Шилал, с которым я ещё вчера говорил о тактике боя, одним ударом снёс голову твари, что была втрое больше него. Голова покатилась по земле, оставляя чёрный след, а тело ещё несколько секунд стояло, прежде чем рухнуть, залив всё во-

круг чёрной кровью.

– Отлично! – заорал я, ободряя своих. – Так их! Не давайте им сплотиться! Бейте, пока они не опомнились!

Но они всё лезли и лезли.

Монстры облепляли купол снаружи. Это выглядело как мёртвое, гниющее покрывало из плоти и слизи, которое росло и ширилось на глазах. Купол гудел, мерцал, его цвета становились всё бледнее, всё тусклее. Я чувствовал, как энергия источников уходит в него с бешеной скоростью – быстрее, чем мы рассчитывали. Ещё немного – и он рухнет совсем.

На холмах вокруг нашего лагеря начали появляться новые фигуры. Более стройные. Более организованные. Более... разумные.

Воины враждебных кланов. Тех, что прогнулись под Графиню.

Они стояли, наблюдая за побоищем, и ждали. Ждали, когда купол падёт, когда наши воины выдохнутся, когда можно будет войти и добить оставшихся. Их силуэты чётко выделялись, десятки, сотни фигур с расправленными крыльями, готовых в любой момент сорваться в атаку.

И только исход нескольких прошлых сражений совсем не в их пользу, сдерживал их на месте.

– Шаманы! – крикнул я, обернувшись. – Усильте купол! Живо!

Саашалас, стоявший под внутренней защитой у главного

источника, кивнул – коротко, резко – и затащил свою песню громче. Его подручные подхватили. Кристаллы на их жезлах ослепительно вспыхнули, так что на миг пришлось зажмуриться. И купол, уже начавший меркнуть, налился новой силой, перестал мерцать, выровнялся.

Но монстры не отступали. Они давили, давили, давили. И чем больше их гибло, тем яростнее лезли остальные. Так что, в какой-то момент купол не выдержал.

Сначала в одном месте, потом в другом, потом в третьем – он пошёл трещинами. Тонкими, едва заметными, но с каждой секундой они расширялись, углублялись, и в эти трещины хлынули твари. Десятки, сотни.

– Всем клинки! – заорал я. Голос, усиленный магией, прозвучал над полем, как набат. – Встречаем их здесь!

И началось...

Я рубил, колот, резал, не переставая. Мои руки двигались сами собой, тело жило своей жизнью, а разум отключился, уступив место инстинкту убийцы, отточенному за сотни лет охоты и войн. Я видел только кровь, слышал только крики, чувствовал только запах смерти.

Мои воины не отставали.

Мы дрались, как звери. Как демоны. Как порождения тьмы, которыми нас и считали люди.

Клинок Шлисейса описал дугу и снёс сразу две головы. Брызги чёрной крови оросили его лицо, но он даже не морг-

нул – сразу развернулся к следующей твари.

Молодой Шилан получил глубокую рану в плечо – огромный коготь пропорол его доспех и плоть до кости. Но он продолжал биться, не обращая внимания на боль, и его левая рука, ещё работающая, сжимала кинжал, которым он полосовал морды нападающих монстров.

Кто-то из воинов упал, и его тут же затоптали твари, но на его место встал другой, и ещё один, и ещё.

– Не отступать! – кричал я, прорубаясь сквозь строй монстров. – Ни шагу назад! За мной, Ночные Тени!

Но они всё лезли.

Заметил, как двое воинов тащат третьего, у которого вместо ноги – кровавое месиво, кости торчат в разные стороны. Он орал, захлёбываясь собственной кровью, но его тащили к внутреннему куполу, туда, где лекари уже разворачивали лазарет, где готовили зелья и повязки.

Вслед за ними потянулись другие раненые – кто хромал, опираясь на товарища, кого несли на руках, кто полз сам, оставляя кровавый след в пыли.

Часть шаманов осталась под малым куполом, оказывать помощь раненым. Остальные были в гуще сражения, и их магия творила чудеса.

Один из них, Шлемазл – старый, с седой бородой до пояса, взмахнул руками, и десяток монстров, только что прорвавшихся внутрь, взорвались, как переспелые тыквы. Их туло-

вища разлетелись в разные стороны, забрызгав всё вокруг чёрной жижей, и даже воздух стал густым от этой мерзости.

Другой, молодой, с горящими глазами, создал огненный вихрь, который прошёлся по рядам тварей, оставляя за собой только обугленные кости. Вихрь выл, кружился, пожирал плоть, и там, где он проходил, на земле оставалась только выжженная, мёртвая пустота.

И тут подошли гиганты.

Те самые, что шли в центре армады. Те, чьи тела состояли из переплетённых конечностей, сросшихся в единую пульсирующую массу. Они начали просачиваться сквозь купол, раздвигая его своими тушами, и от одного их вида у многих воинов подкосились ноги.

Огромные, в два раза выше наших шатров, они не шли – текли, как густая вонючая река, и там, где они проходили, земля становилась чёрной и мёртвой, трава вяла, камни трескались. Каждое их движение сопровождалось хором голосов – тысячи ртов, вплавленных в эту массу, кричали, плакали, смеялись, молили о пощаде и проклинали всё сущее.

– Шаманы! – заорал я, понимая, что обычным оружием их не взять. – На гигантов! Всем вместе! Бейте по ним, пока они не раздавили нас!

Четверо шаманов, самых сильных, развернулись ко мне. В их глазах я увидел понимание и решимость. Они знали, что это может стоить им жизни. Но они не колебались.

Их магия сплелась в один поток – фиолетовый, ослепительно яркий, пульсирующий, как сердце разгневанного бога. Он ударил в ближайшего гиганта, и тот на миг замер, пронзённый этим светом.

А потом начал... распадаться.

Тела, из которых он состоял, отделялись друг от друга и падали вниз, но падали уже мёртвыми, безжизненными кусками плоти. Сотни рук и ног отваливались от основной массы, шлёпались на землю, дёргались в последних судорогах и застывали. Гигант осел, как подтаявший воск, его рост уменьшался с каждой секундой, и через минуту от него осталась только гора гниющего мяса, которое тут же начало разлагаться, испуская такие миазмы, что у ближайших воинов потемнело в глазах.

– Ещё! – крикнул я, указывая на второго гиганта. – Бейте по ним!

Но времени смотреть по сторонам не было. Мои воины отбивались от нападающих тварей.

Старейшины управляли своими направлениями. Шлисейс держал левый фланг, его клинок мелькал в воздухе с такой скоростью, что казался размытым пятном, оставляющим за собой только смерть. Он двигался, как хищник, как воплощение самой войны, и там, где он проходил, твари падали штабелями.

Старейшина Шиарш, командовавший правым флангом,

бился в окружении трёх тварей сразу, и я видел, как его крылья, расправленные для равновесия, покрываются кровью – то ли его, то ли врагов. Он кружился на месте, отбивая атаки со всех сторон, и его меч, тяжёлый двуручник, которым он владел, как игрушкой, сносил головы, конечности, разрубал туловища пополам.

Я метался между всеми, помогая то с одной стороны, то с другой. Вот я рублю тварь, насевшую на Шлисейса сзади, пока он занят тремя спереди. Вот отбрасываю магией сразу трёх уродцев, пытавшихся окружить Шиарша. Вот вытаскиваю из кучи тел молодого воина, который ещё дышит, но уже без сознания, и швыряю его под защиту купола, к врачам.

Мои старшие сыновья не отставали.

Шейлас, мой первенец, бился как зверь. Его меч пел в воздухе, и там, где он проходил, твари гибли десятками. Видел, как он одним ударом разрубил тварь, которая была вдвое больше его, и даже не запыхался. Его лицо, залитое чёрной кровью, было спокойно и сосредоточено – он делал то, чему я учил его десятки лет: убивал врагов и защищал своих родичей.

Шилас, мой второй сын, держался рядом, прикрывая спину. Его клинок был не таким быстрым, как у брата, но зато каждый удар был точен и смертелен. Он не тратил силы попусту, экономя дыхание для долгого боя, и я видел в нём ту же холодную расчётливость, которая когда-то помогла мне

выжить в сотнях схваток.

– Держись, отец! – крикнул он мне, отбивая очередную тварь, которая попыталась подобраться с фланга.

– Я держусь! – рявкнул в ответ, разрубая пополам сразу двоих. – Смотри за собой! Не подставляйся!

Бой длился уже больше часа. Может, два. Я потерял счёт времени.

Воины валились с ног от усталости, но продолжали биться. Шаманы едва держались, поддерживая купол и уничтожая врагов. Раненых становилось всё больше, и их уносили под защиту, а на их место вставляли свежие силы – те, кто успел отдохнуть, перевести дух, перевязать раны.

Мы организовали настоящий конвейер смерти. Как только один воин выдыхался или получал ранение, его сменял другой. И так раз за разом, круг за кругом, час за часом.

И это работало.

Да, твари лезли. Да, купол слабел. Но мы держались.

А потом, в какой-то момент, всё прекратилось.

Срубил очередную тварь, занёс меч для следующего удара – и вдруг понял, что передо мной больше никого нет. Только пустота, только трупы, и чёрная, дымящаяся земля.

Я оглянулся.

Вокруг – только наши воины, тяжело дышащие, стоящие по щиколотку в чёрной жиже, и трупы. Тысячи трупов. Горы

мяса, костей, слизи, которые покрывали всю равнину перед куполом.

Монстры закончились.

Те, кто ещё подавал признаки жизни, корчились на земле, дёргались в последних судорогах, и наши воины ходили между ними, методично всаживая клинки в их головы. Твари даже не сопротивлялись – они просто лежали, гнили на глазах, превращаясь в чёрную, вонючую жижу, которая впитывалась в землю, оставляя после себя только бесплодную пустыню.

Я перевёл дух и посмотрел вдаль, туда, откуда пришла эта армада.

Воины враждебных кланов всё ещё стояли на холмах. Но они не двигались. Смотрели на нас, на горы трупов перед куполом, на наши ряды, которые, несмотря ни на что, всё ещё держались, и, видимо, заново оценивая свои шансы на выживание в столкновении.

И они... начали уходить.

Медленно, нехотя, оглядываясь, но уходить. Сначала отдельные фигуры, потом группы, потом – все. Через несколько минут на холмах вокруг не осталось никого. Только пустота и тишина.

– Ушли, – выдохнул Шлисейс, подходя ко мне. Лицо было залито кровью, но, кажется, не его собственной. Глаза горели диким, первобытным огнём, грудь тяжело вздымалась. – Ушли, сволочи!

– Да, – кивнул я. – Сегодня – ушли. А что будет завтра? Он не ответил. Мы и так оба знали ответ.

Я облетел периметр большого купола, чтобы самолично убедиться, что ничего больше не угрожает.

С высоты открывалась жуткая картина.

Полукруг перед нашим поселением был усеян трупами. Тысячи тварей лежали, гнили, испускали чёрный дым, который поднимался к небу и смешивался с багровыми облаками. В воздухе висел такой смрад, что даже я, привычный ко всему за сотни лет, едва сдерживал рвотные позывы. Запах разлагающейся плоти, гниющей крови, магии, которая умирает вместе со своими носителями – всё это смешалось в один чудовищный букет, от которого слезились глаза и кружилась голова.

То тут, то там воины добивали оставшихся уродцев. Молодой парень, с размаху всаживает копьё в голову ещё шевелящейся твари. Та дёргается, замирает, и превращается в лужу.

Часть бойцов помогала раненым товарищам, унося их с поля боя. Группа воинов несла на руках носилки с искалеченным телом – крылья безжизненно волочатся по земле, голова запрокинута, изо рта идёт пена. Рядом бежит шаман, на ходу вливая в раненого какое-то зелье.

Другая часть собирала тела наших погибших.

Я видел, как несколько фигур несут на руках мёртвого – крылья сложены, голова безжизненно свисает, глаза открыты и смотрят в никуда. Ещё один. Ещё один.

Сколько мы потеряли сегодня? Я не знал. Но ясно было одно – слишком много. Как убитых, так и раненых.

Я приземлился у построек, отведённых под места лечения. Там уже кипела работа – лекари и шаманы суегились над ранеными, вливали в них зелья, читали заклинания, перевязывали раны. Крики, стоны, запах крови и зелий – всё смешалось в один сплошной, душераздирающий гул.

Зашёл внутрь.

В нос ударил запах крови, гноя и магии. Вдоль стен лежали раненые – кто на носилках, кто прямо на полу, на подстилках из травы. Их стоны, крики, мольбы смешивались в один сплошной, душераздирающий хор.

Вот воин с оторванной рукой – шаман прижигал культю раскалённым железом, крик стоял такой, что стены дрожали. Рядом лежал другой, с распоротым животом – ему пытались вправить кишки, пока он потерял сознание от боли. Дальше – женщина-воин, вся в крови, с глубокой раной на лице, в которой был виден череп. Она молчала, только смотрела в потолок остановившимся взглядом.

Саашалас стоял в центре этого ада и руководил. Его руки были по локоть в крови, лицо осунулось, покрылось морщинами усталости, но глаза горели всё тем же ровным, спокойным огнём. Он отдавал распоряжения направо и налево, и

шаманы подчинялись ему беспрекословно.

– Сколько? – спросил я, подходя к нему.

Тот обернулся:

– Раненых пятьдесят девять, – сказал он. Голос звучал хрипло, сорвано. – Тяжёлых – семнадцать. Остальные – средней тяжести и лёгкие. Восемь убитых.

Я сжал кулаки. Восемь! Восемь моих воинов больше никогда не встанут в строй! Восемь семей потеряют родных! Восемь душ уйдут в никуда, в пустоту, из которой нет возврата!

– Тяжёлых... – начал я.

– Сделаем всё возможное, – перебил меня Саашалас. – Часть удастся спасти. Я уже применил самые сильные зелья. Но не всех. Кое-кто слишком плох.

Я кивнул. Я знал это.

Обошёл раненых, поговорил с каждым, кто мог говорить. Произнёс слова благодарности, ободрения. Пообещал, что мы выстоим. Что всё будет хорошо.

Врал, конечно. Но им нужна была эта ложь.

Потом вышел наружу, вдохнул полной грудью – насколько это было возможно в этом аду.

Воины уже начали убирать поле боя. Тела тварей сжигали магией – их нельзя было просто закопать, они отравляли землю. Наши убитые лежали отдельно, их готовили к погребальному обряду. Раненые лечились. Женщины раздава-

ли еду и воду.

Задумался. Враги ушли. Но что будет завтра? Кто придёт вновь нападать на нас? И когда?

Надо бы узнать у Александра, когда он хочет навеститься к Графине. И, если возможно, помочь с её уничтожением.

Подозвал Шейласа, моего старшего сына. Он стоял чуть поодаль, тяжело дыша после переноски раненых. Его доспех был покрыт чёрной кровью и слизью, лицо в разводах грязи, но глаза горели всё тем же боевым огнём.

– Слушай внимательно, – сказал ему, когда он подошёл. – Мне пока не стоит уходить отсюда, поэтому это задание для тебя. Ступай в мир людей, найди ДаркХела, передай, что мы держимся, но на долго нас не хватит.

Шейлас кивнул, выпрямился, расправил крылья. Даже уставший, измотанный боем, он выглядел как воин – гордый, сильный, готовый выполнить приказ.

– Будет сделано, отец, – сказал он и взмыл вверх.

Я же был нужен здесь.

Подавлять панику, успокаивать семьи погибших, организовывать оборону, отдавать правильные приказы. Твёрдая рука – вот что сейчас требовалось моему клану.

И я дал им эту руку.

Ходил между шатрами, разговаривал с воинами, с женщинами, с детьми. Убеждал, что мы выстоим. Что мы отбились, и отобьёмся снова. Что Александр поможет.

Врал. Но им нужно было во что-то верить.

Видел испуганные глаза детей, которые жались к матерям. Видел слёзы женщин, оплакивающих мужей. Видел решимость в глазах воинов, готовых драться до конца.

Мы выстоим. Мы должны выстоять.

Через несколько часов вернулся Шейлас.

Увидел его ещё издали – он летел низко, медленно, и по его позе, по тому, как он держал крылья, как опустил голову, понял: новости плохие.

Он приземлился рядом со мной, и я увидел его лицо – бледное и растерянное. Таким я не видел своего первенца уже много лет.

– Отец, я не смог пройти, – его голос дрогнул.

– Что значит – не смог? – нахмурился я. Внутри всё похолодело.

– Над Джурджу и его окрестностями... купол. Огромный, непроницаемый, – каждое его слово падало на меня, как удар молота. – Он не пропустил меня, сколько не пытался – бился, колдовал, звал – бесполезно. Он просто... не пускает. Только люди свободно перемещались сквозь него.

Меня словно светлой магией ударило...

Купол. Над Джурджу. Графиня отрезала нас от Александра, как и его от нас. Отрезала моего друга, моего союзника.

– Ты уверен? – спросил я, хотя уже знал ответ. Голос мой звучал глухо, как из могилы.

– Да, отец. Я облазил весь периметр. Облетел кругом, проверял в разных местах. Он везде. Сплошной, ровный, как стекло. Он не пускает нас. А люди, те, кто проходил сквозь купол, даже не замечали его. Для них он невидим.

Я закрыл глаза. Значит, мы остались одни.

– Отец, – тихо сказал Шейлас. – Что нам делать?

Открыл глаза и посмотрел на сына. На его испуганное лицо, на его дрожащие руки, на его крылья, которые он бессознательно прижал к спине, словно ища защиты.

– Возвращайся к своим, – сказал я как можно спокойнее. – Отдыхай. Завтра будет тяжёлый день.

– А ты, отец?

– А я подумаю.

Он помедлил, словно хотел ещё что-то сказать, но передумал. Кивнул и ушёл, устало волоча ноги.

Купол. Значит, Александр там, грубо говоря, один. Против этой сумасшедшей графини с её прихвостнями, с этим уродом МалГорином. Без моей помощи. Без поддержки.

Но я знал ДаркХела – ничего не закончилось! Если Александр жив – ещё есть надежда.

А я... я буду ждать. И готовиться к новым атакам. Потому что они будут. Обязательно будут.

Развернулся и пошёл к шатру, к семье, к тем, кто ждал меня и верил мне. Нужно было быть сильным. Ради них.

Воины убрали тела. Шаманы лечили раненых. Женщины

готовили еду. Жизнь продолжалась.

А в небе над нашим поселением всё так же мерцали два купола – внешний, истрёпанный, иссечённый, но ещё живой, и внутренний, надёжный, готовый принять удар.

Мы выстояли. Но сколько атак будет впереди?

Никто не знал...

Глава 3

Новый день наступил слишком быстро. Или слишком медленно – я потерял счёт времени, мечась между шатрами, ранеными, дозорными и собственными мыслями, которые жалили, как разъярённые осы.

Я практически не спал после битвы. Глаза слипались, тело требовало отдыха с настойчивостью голодного ворг-паука, но я не мог позволить себе эту роскошь – слишком многое нужно было держать под контролем. Слишком многое могло пойти не так в любую минуту.

Серый свет нашего вечного полусумрака начал разливаться над поселением. Кристаллы всё ещё мерцали, хотя и слабее обычного – энергия источников была на исходе. В воздухе всё ещё витал запах вчерашней битвы – гарь, кровь, магия, смерть. От этого запаха не получалось избавиться, как ни старайся.

Стою на краю поселения, вглядываясь в даль, туда, где вчера исчезли враги. Пусто. Только мёртвая, выжженная равнина, усыпанная чёрным пеплом и обгоревшими костями. Ни движения. Ни звука. Тишина, зловещая и липкая, как

паутина.

Тела наших убитых – восемь холодных, безжизненных тел – подготовили к «последнему» обряду. Они лежали рядом у шатра шаманов, накрытые тёмной тканью. Рядом с каждым – жена, мать, дети. Тихие рыдания, сдерживаемые стоны, сухие глаза тех, кто выплакал все слёзы за ночь.

Подошёл к ним. Сказал несколько слов. Пообещал, что их смерть не будет напрасной. Что мы отомстим. Что их имена останутся в памяти клана навсегда.

Потом собрал Совет.

Шлисейс пришёл первым – как всегда, подтянутый, собранный, хотя я видел, как дрожат его руки после вчерашнего боя. За ним подтянулись остальные старейшины – Шитарш, хромающий после ранения, но не подающий виду; Сашалас, самый старый, самый мудрый, с глазами, провалившимися в глубокие глазницы от усталости; ещё трое, чьи лица в этот момент сливались в одно, усталое и измотанное.

– Докладывайте, – сказал я, обводя их взглядом. – Что с запасами? Что с воинами? Что с куполом?

Шлисейс вышел вперёд. Его голос звучал хрипло, но твёрдо:

– Воинов, способных держать оружие – двести тридцать семь. Раненых – пятьдесят девять, из них семнадцать тяжело. Восемь убитых. Потери могли быть больше, если бы не шаманы и не твоя... – он запнулся, – не твоя стратегия с по-

стоянной ротацией.

– Что враги?

– Наши разведчики доложили, – Шлисейс развернул карту, – враждебные кланы отошли на прежние позиции. Но не ушли совсем. Ждут. Скапливают силы. Готовятся к новому удару.

– Сколько у нас времени?

– День. Может, два. Может, меньше.

Я сжал кулаки под столом, чтобы никто не видел, как они дрожат:

– Саашалас, – повернулся я к старому шаману. – Что с энергией? Сколько мы потратили?

Старик поднял на меня свои мутные глаза. Говорил он медленно, словно каждое слово давалось ему с трудом:

– Источник основой почти иссяк, глава рода. Если мы будем поддерживать купол на том же уровне, энергии хватит на два-три дня. Может, меньше. Если начнётся новое нападение – на несколько часов.

– А другие источники?

– Мы используем все, что есть рядом. Но они слабее. Гораздо слабее.

Я замолчал, переваривая информацию. Два-три дня. При лучшем раскладе. А потом...

– Значит, нужно пополнить запасы, – сказал, поднимаясь. – Шлисейс, отбери десяток самых быстрых воинов. Снаряди их амфорами для сбора энергии и отправь на поиски новых

источников. Пусть обследуют всю территорию вокруг. Набирать энергию даже из самых слабых источников. Каждая капля энергии сейчас на вес жизни, – тот кивнул и вышел.

Глянул на остальных:

– Все свободны. Занимайтесь своими задачами. Саашалас, задержись.

Старейшины разошлись. В шатре остались только мы с Саашаласом. Старый шаман смотрел на меня с тем же спокойным, чуть отстранённым выражением, которое не менялось у него уже несколько сотен лет.

– Как там раненые? – спросил, хотя боялся услышать ответ.

Саашалас тяжело вздохнул и опустил глаза. Это было настолько нехарактерно для него, что у меня внутри всё похолодело.

– Пойдём, глава рода, – сказал он тихо. – Сам увидишь.

Мы вышли из шатра и направились к лазарету. По дороге я ловил на себе взгляды воинов – усталые, тревожные, вопросительные. Они ждали от меня ответов, решений, чуда. А я шел, и понятия не имел, что им сказать.

Лазарет встретил меня уже привычной картиной ада.

Стоны, крики, запах крови и гноя, смешанный с резкими ароматами лечебных трав и магических снадобий. Раненые лежали везде – на койках, на полу, на носилках. Шаманы сновали между ними, меняя повязки, вливая в рот зе-

лья, читая заклинания. Некоторые раненые молчали, уставившись в потолок пустыми глазами. Некоторые метались в бреду, выкрикивая бессвязные слова. Некоторые тихо плакали, уткнувшись лицами в подушки.

Саашалас провёл меня между рядами, показывая самых тяжёлых.

Вот молодой воин, Шилан – тот самый, что вчера так лихо рубил тварей. Сейчас он лежал без сознания, его грудь была стянута бинтами, пропитанными кровью и какой-то тёмной мазью. Из-под повязок сочилась сукровица, и даже сквозь слой лекарств было видно, как глубоки его раны.

– Ему перебило грудную клетку, – тихо сказал Саашалас. – Осколки костей пробили лёгкое. Мы извлекли всё, что смогли, но... внутреннее кровотечение не останавливается. Если так пойдёт дальше, он не доживёт до завтра.

Рядом лежала женщина-воин, лицо полностью скрыто под повязками. Не сразу узнал в ней Шианну, ту самую племянницу, что вчера спрашивала меня об Александре. Её крылья – когда-то гордые, сильные – теперь безжизненно свисали с койки, переломанные в нескольких местах.

– Шианна, – с горечью выдохнул я.

– Она прикрыла отход группы, – пояснил Саашалас. – На неё навалилось сразу трое тварей. Она убила их всех, но сама... сами видите. Мы спасли ей жизнь, но летать она больше не сможет. Никогда.

Сжал челюсти так, что заскрипели зубы.

Дальше – ещё один, и ещё, и ещё. У кого-то не было руки, у кого-то – ноги, у кого-то вместо глаза – кровавая впадина. Кто-то был цел внешне, но лежал без движения и без сознания – магические раны, самые страшные, потому что они убивают не тело, а душу.

– Сколько из них выживут? – спросил я, когда мы обошли всех.

Саашалас помедлил. Слишком долго для того, кто обычно отвечал сразу:

– Глава рода... – начал он и замолчал.

– Говори как есть, старик. Я не ребёнок.

Он поднял на меня глаза. В них было столько боли, сколько я не видел за все наши сотни лет знакомства:

– Только чудо сможет быстро исцелить повреждения тяжелораненых, – сказал он глухо. – Мы делаем всё, что можем. Но нашей магии недостаточно. Если бы у нас было больше времени, если бы мы могли перевести дух, если бы раны были не такими глубокими. Но сейчас... – он развёл руками. – Я не знаю, глава рода. Я просто не знаю...!

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри закипает отчаяние. Семнадцать тяжелораненых. Семнадцать моих воинов, которые могут умереть в ближайшие дни. А за ними – ещё сорок два, которым тоже нужна помощь, которым тоже нужно время, чтобы восстановиться.

И тут меня словно ударило молнией.

Однажды мы с ДаркХелом спорили на тему, что тёмные и светлые тени происходят от одного рода, но в дальнейшем были разделены богами. Разница между нами не такая уж и разительная, утверждал Александр в пылу дискуссии. Мы просто привыкли питаться разной энергией, как одни звери предпочитают мясо, а другие – траву. Но в основе своей мы – одно и то же.

– По идее, – сказал он тогда, развалившись в кресле и потягивая какое-то человеческое пойло, которое называл «вином», – тёмные могут питаться и светлой энергией. Нужно только привыкнуть к ней для начала. Как если бы ты всю жизнь ел сырое мясо, а потом вдруг решил попробовать жареное. Сначала будет непривычно, может, даже противно. Но потом – втянешься.

Тогда только отмахивался, называл его сумасшедшим теоретиком, который лезет не в своё дело. Но он не унимался.

– А если серьёзно, Саймон, – сказал он, глядя на меня своими циничными глазами. – Если смешать две части тёмной энергии и одну часть светлой... То по моим прикидкам, это может увеличить скорость регенерации у теней в разы. Светлая энергия по своей природе – это жизнь, созидание, исцеление. Тёмная – смерть, разрушение. Если их смешать в правильной пропорции... Это может дать эффект, которого никто из вас никогда не видел.

– И ты, конечно, готов это проверить на ком-нибудь из моих воинов? – язвил я тогда.

– А почему бы и нет? – пожимал он плечами. – Риск, конечно, есть. Но без риска нет прогресса. Если бы мои предки людей не рисковали, они бы до сих пор жили в пещерах и махали каменными топорами.

До возможных экспериментов мы так и не добрались. Слишком много было других забот. Слишком консервативны были наши шаманы, слишком сильны традиции. Но теперь...

Посмотрел на Шианну, на Шилана, на десятки других искалеченных тел вокруг. Терять было нечего.

– Саашалас, – сказал я, и мой голос прозвучал так, что старый шаман вздрогнул. – Я знаю, что делать.

Он уставился на меня с недоумением:

– Что значит – знаете, глава рода?

– Александр, – ответил я. – Он говорил об этом способе. О смешении энергий. О том, что это может ускорить регенерацию.

Саашалас нахмурился так, что его кустистые брови почти закрыли глаза:

– Смешение энергий? Глава рода, вы понимаете, что говорите? Светлая энергия для нас – яд! Она жжёт, разъедает изнутри, как кислота!

– Я знаю, – кивнул я. – Но Александр говорил о пропорциях. Две части тёмной, одна – светлой. Если он прав...

– Если он прав, – перебил меня Саашалас, и в его голосе

впервые за долгое время прозвучали резкие нотки, – то мы можем убить наших раненых быстрее, чем твари Графини! Глава рода, я уважаю вашего друга, но он – смертный! Он не знает нашей природы так, как знаем её мы!

– А ты знаешь? – рявкнул я, выходя из себя. – Ты знаешь, как спасти этих воинов? Ты знаешь, что делать, когда наша магия бессильна?

Саашалас замолчал. Его лицо, и без того серое от усталости, стало ещё мрачнее:

– Я... не знаю, глава рода, – признался он, наконец. – Но это...

– Это наш единственный шанс, – перебил я. – И я не собираюсь его упускать. Думаю, я знаю, как ускорить процесс выздоровления раненых воинов.

И, не дожидаясь ответа, вышел из шатра.

Старый шаман остался стоять с открытым ртом, глядя мне вслед. Почти физически ощущал его замешательство. Но времени на объяснения не было. Каждая минута промедления могла стоить жизни кому-то из моих теней.

Быстро прошёл через поселение, лавируя между шатрами и группами воинов.

Сыновей я нашёл у шатра Шлисейса – они о чём-то спорили, размахивая руками и тыча пальцами в карту.

– Шейлас, Шилас, – окликнул их.

Они обернулись одновременно. Такая похожесть в движе-

ниях, в повороте головы – кровь, она чувствуется во всём.

– Отец, – сказал Шейлас, старший. – Мы как раз обсуждали...

– Потом обсудите, – перебил я. – Слушайте приказ.

Они вытянулись, внимательно глядя на меня.

– Я ухожу. Ненадолго. На час, может, чуть больше. Шейлас, ты остаёшься за старшего. Следи за обстановкой в поселении. Если что – действуй по обстановке, ты знаешь, что делать.

Шейлас кивнул, но в его глазах мелькнуло беспокойство:

– Отец, куда ты? Может, взять с собой кого-то?

– Нет. Я справлюсь один, – похлопал его по плечу. – Ты не в первый раз остаёшься за меня. Справишься.

– А если нападение? – подал голос Шилас, младший.

– Если нападение – держите оборону. Используйте всё, что есть. Вернись как можно быстрее.

Они переглянулись, но спорить не стали. Знали – если я что-то решил, переубедить меня невозможно.

Зашёл в свой шатёр, взял две небольшие амфоры – пустые, чистые, специально подготовленные для сбора энергии. Кожаные ремни, чтобы закрепить их за спиной.

Сейшалиша смотрела на меня из глубины шатра. Она ничего не спрашивала – только смотрела своими жёлтыми глазами, в которых читалась вся её тревога.

– Я вернусь, – сказал ей.

– Знаю, – ответила она тихо. – Ты всегда возвращаешься.

Подошёл, поцеловал её – коротко, но крепко – и вышел.

Переход в мир людей дался легче обычного. Может, потому что я спешил. Может, потому что адреналин гнал кровь быстрее. Серая пелена расступилась, и я оказался в лесу – обычном, человеческом лесу, с зелёными листьями и пахнущей хвоей землёй.

Где искать светлый источник? Я не знал точно. Просто надо почувствовать. Светлая энергия для тёмного существа – как сигнальный огонь в ночи. Она привлекает и отталкивает одновременно. Манит и пугает.

Закрыв глаза, отключил все посторонние ощущения и прислушался к себе. К тому, что внутри.

И почувствовал.

Где-то там, на границе восприятия, едва уловимое тепло. Непривычное, чужое, почти враждебное. Но оно было. И оно звало.

Расправил крылья и взлетел, ориентируясь на это ощущение, как на маяк. Лес подо мной сменялся полями, поля – холмами, холмы – новым лесом. Через полчаса я понял, что приближаюсь.

Тепло становилось всё сильнее, ощутимее. Оно уже не просто чувствовалось – оно давило, обжигало изнутри, заставляло кровь бежать быстрее, а мысли – путаться. Я снизился и пошёл пешком, чтобы не пропустить цель.

Нашёл.

Источник света находился в небольшой ложбине, окружённой старыми дубами. Он не бил ключом, не светился в обычном понимании – это была просто поляна, залитая солнцем ярче, чем всё вокруг. Трава здесь была зеленее, цветы – крупнее, воздух – чище и слаще. И в центре этой поляны, в маленьком углублении, пульсировал сгусток света.

Он был похож на маленькое живое существо – дышал, переливался, тянулся вверх тонкими лучиками, которые тут же исчезали в воздухе. Смотреть на него было больно – глаза слезились, хотелось зажмуриться. Но я смотрел.

Это было красиво. Пугающе красиво. И смертельно опасно. Сделал шаг вперёд, и меня обдало жаром.

Не таким, как от огня. Это был другой жар – более глубокий, проникающий в самую суть, заставляющий каждую клетку моего тёмного тела кричать от боли и отвращения.

Замер на границе, переводя дыхание. Собрал все силы, всю волю, всю решимость, на которую был способен.

Александр верил в это. Я должен попробовать. Протянул руку к источнику – и мир взорвался болью.

Даже не успел закричать – просто открыл рот, но звук застрял в горле, превратившись в беззвучный хрип. Боль была такой, словно мою руку сунули в расплавленный металл. Светлая энергия ворвалась в моё тело, прожигая кожу, мышцы, кости, и я чувствовал, как она течёт по руке, раздирая всё на своём пути.

А потом она дошла до груди.

Здесь, в центре моего существа, где хранилась вся моя тёмная сила, светлая энергия встретилась с родной, привычной тьмой. И началось...

Не могу описать это словами. Это было похоже на извержение вулкана внутри меня. Две противоположности схлестнулись в смертельной схватке, разрывая меня на части. Я чувствовал, как моя кожа плавится, как внутренности горят, как разум застилает алая пелена.

И закричал.

Крик вырвался из самой глубины моего существа, прокатился над лесом, заставив птиц взмыть в небо, а зверей – забиться в норы. Кровь хлынула из носа, из ушей, из уголков глаз – тёмная, почти чёрная, смешанная с чем-то светлым, пульсирующим.

Но я не стал убирать руку.

Энергия уже проходила сквозь меня, прокладывая путь по руке, через грудь, выходя из другой руки, направленной на горловину амфоры. Я видел, как в сосуде загорается свет – тусклый, мерцающий, но настоящий. Светлая энергия, пойманная, укрощённая, запёртая в сосуде.

Минута.

Всего одна минута, которая показалась часом.

Я стоял, как натянутая струна, чувствуя, как тело превращается в мост между двумя мирами. Боль была невыносимой – она затмевала всё, лишала мыслей, чувств, желаний.

Оставалось только одно – держаться. Держаться, пока амфора не наполнится.

И она наполнилась.

Когда последняя капля светлой энергии упала в сосуд, я отдёргнул руку и рухнул на колени. Амфора, закреплённая за спиной, больно ударила по лопаткам, но я даже не почувствовал – всё тело горело огнём, каждая клетка кричала от боли.

Я посмотрел на свои руки.

Они были... странными. Красными, обожжёнными, покрытыми волдырями. Но сквозь эту красноту проступало что-то новое – тонкие светлые прожилки, которые пульсировали в такт сердцебиению. Светлая энергия, оставшаяся во мне, медленно растекалась по телу, смешиваясь с тёмной.

Боль начала отступать.

Медленно, неохотно, словно нехотя, но отступать. Волдыри на руках подсыхали, красная кожа бледнела, возвращая свой обычный сероватый оттенок. Грудная клетка, только что горевшая огнём, наполнялась странным, непривычным теплом.

Поднялся на ноги. Пошатнулся, но устоял.

Вторая амфора осталась пустой. На вторую у меня просто не хватило бы сил... и смелости. Просто чудо, что выдержал первую.

Закрепил наполненный сосуд за спиной, проверил, на-

дёжно ли держится. Крылья... Я осторожно пошевелил ими. Больно, но терпимо. Надо возвращаться.

Я расправил крылья и сделал взмах.

Боль пронзила всё тело, как тысяча игл. Зашипел сквозь зубы, но не остановился. Второй взмах. Третий. Четвёртый.

С каждым взмахом становилось чуть легче. Светлая энергия, оставшаяся в организме, начала активнее взаимодействовать с моей внутренней. Она словно расширяла прежние возможности, делала мышцы эластичнее, суставы – подвижнее, дыхание – глубже.

Жар, который мучил меня у источника, начал остывать. Тепло разливалось по всему телу, убирая усталость, заживляя старые раны, восстанавливая прямо изнутри. Чувствовал, как уходят старые шрамы, как кровь быстрее бежит по жилам.

«Александр был прав...!» – эта мысль скользнула в моей голове, и я чуть не рассмеялся вслух. Мой сумасшедший, циничный, гениальный друг. Он знал. Он всегда откуда-то знал больше, чем говорил.

Если помогло мне – если я, тёмная тень, смог пережить контакт со светлой энергией и даже получить от этого пользу – то и мои воины смогут исцелиться. Нужны только правильные пропорции. Две части тёмной, одна – светлой. Не больше десяти капель за раз. И наблюдать, следить, не дать организму отторгнуть чужеродную силу.

С этими мыслями я летел обратно, и с каждым взмахом

крыльев чувствовал себя всё лучше. Боль ушла почти полностью, осталась только лёгкая ноющая усталость в мышцах – обычная после долгого полёта. Никаких следов ожогов, никаких признаков недавней агонии.

Светлая энергия сделала своё дело. Теперь оставалось сделать так, чтобы она сделала то же самое для наших раненых.

Глава 4

Поселение показалось на горизонте через полчаса. Я снился, пролетел сквозь внешний купол – тот самый, повреждённый, но всё ещё работающий – и приземлился в центре.

Сыновья встретили меня почти сразу. Они выглядели взволнованными, но не испуганными – значит, ничего страшного не случилось.

– Отец! – Шейлас подбежал первым. – Ты вернулся! Всё в порядке?

– В порядке, – кивнул я. – Что у вас?

– Всё спокойно.

– Хорошо.

Шилас подошёл ближе и вдруг замер, глядя на меня странным взглядом.

– Отец... – сказал он медленно, – ты... изменился.

– В каком смысле?

– Энергия, – ответил за брата Шейлас. Он тоже смотрел на меня с недоумением. – Энергия, исходящая от тебя... она другая. Более концентрированная. Более плотная. И... светлая? Нет, не светлая, но... примесь какая-то.

Я усмехнулся. Зоркие у меня дети.

– Пошли, – сказал я, направляясь к лазарету. – По дороге расскажу.

Кратко, без лишних подробностей, но достаточно, чтобы они поняли. Про светлый источник. Про боль. Про то, как энергия прошла через меня. Про то, как она изменила меня. И про теорию Александра.

Сыновья слушали молча, и их лица менялись от недоверия к изумлению, от изумления – к надежде.

– Это... возможно? – спросил Шилас, когда я закончил.

– Я только что это сделал, – ответил я. – Чувствуешь разницу?

Он кивнул. Ещё бы не почувствовать – я и сам ощущал себя иначе. Сильнее. Быстрее. Целостнее.

– Но для раненых... – начал Шейлас.

– Для раненых это шанс, – перебил я. – Посмотрим, что скажет Саашалас.

Старый шаман всё ещё был в лазарете. Он стоял у койки Шиланны и что-то втирал в её раненые крылья, когда я вошёл. Увидев меня, он нахмурился – сначала от недовольства, что его отвлекают, потом от удивления:

– Глава рода? – его глаза сузились. – Вы изменились.

– Знаю, – коротко кивнул я. – Саашалас, у меня есть кое-что для тебя.

Снял с плеча амфору и поставил её на свободный стол.

Сосуд мягко светился изнутри – светлая энергия переливалась в нём, как живая.

Глаза старого шамана расширились. Он подошёл ближе, протянул руку, но не коснулся – только повёл ладонью над амфорой, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Светлая энергия, – выдохнул он. – Чистая, концентрированная... Где вы её взяли?

– Нашёл, – ответил коротко. – Саашалас, помнишь, я говорил тебе о теории Александра? Две части тёмной, одна – светлой?

Он резко обернулся ко мне. В его глазах читалась борьба – между старыми традициями и новой надеждой, между страхом перед неизведанным и отчаянием, которое он видел в каждом раненом вокруг.

– Глава рода... – начал он.

– Знаю, что ты думаешь, – перебил его. – Знаю, что это опасно. Знаю, что это может убить. Но, Саашалас, они и так умирают, – указал на Шианну, на Шилана, на остальных теней. – У нас нет другого выхода.

Шаман долго молчал. Очень долго. Смотрел то на меня, то на амфору, то на раненых. Его лицо, изрезанное морщинами, казалось высеченным из камня.

– Я должен опробовать на ком-то одном, – сказал, наконец. – На самом безнадёжном. Если сработает – будем лечить остальных.

– Согласен, – ответил ему.

Он подошёл к Шилану – тому самому молодому воину с пробитой грудью. Воин лежал без сознания, его дыхание было поверхностным, прерывистым. Синеватая бледность разливалась по лицу – верный признак того, что жизнь уходит.

– Этот в любом случае не доживёт до утра, – тихо сказал Саашалас. – Если умереть – то с пользой.

Я кивнул.

Саашалас взял небольшую мерную кружку, налил в неё тёмной энергии из общего котла, где хранились наши запасы. Потом, действуя с величайшей осторожностью, открыл амфору со светлой энергией.

Даже на расстоянии почувствовал, как воздух вокруг изменился – стал плотнее, напряжённее. Светлая энергия рвалась наружу, стремясь смешаться с окружающим миром, но что-то удерживало её в сосуде.

Саашалас зачерпнул ровно половину от того количества, что было налито тёмной энергии.

– Пропорция два к одному, – пробормотал он. – Как вы и сказали.

Он смешал энергии в отдельной чаше. Я затаил дыхание. На мгновение ничего не произошло. Тёмная и светлая энергия просто лежали в чаше, разделённые невидимой границей. А потом – начали смешиваться.

Это было красиво и страшно одновременно. Тьма и свет сплетались в причудливый узор, пульсировали, перелива-

лись, и через несколько секунд в чаше оказалась однородная субстанция – серая, мерцающая, живая.

– Готово, – выдохнул Саашалас. – Глава рода... может, вы?

Я подошёл к Шилану. Взял чашу из рук старого шамана. Наклонился над раненым.

– Не больше десяти капель за раз, – напомнил я Саашаласу.

– Я помню.

Осторожно, стараясь не пролить ни капли, наклонил чашу над приоткрытым ртом Шилана. Десять капель – я считал про себя – упали на его пересохшие губы, просочились внутрь.

И... ничего.

Мы ждали: секунда, две, три.

Шилан не двигался. Его грудь едва вздымалась, дыхание оставалось таким же слабым.

– Не сработало, – с горечью прошептал Саашалас.

И тут под повязками на его груди начало происходить что-то невероятное. Я видел, как они светятся изнутри – слабым, сероватым светом. Как кожа вокруг ран розовеет, наливается здоровьем. Как дыхание становится глубже, ровнее.

– Боги...! – потрясённо выдохнул Саашалас.

Он откинул повязки, и мы увидели то, что должно было быть чудом.

Раны Шилана затягивались на глазах. Не быстро, не мгно-

венно – но заметно. Края ран смыкались, новая кожа нарастала прямо под нашими взглядами, внутренние органы, только что повреждённые, восстанавливали свою структуру.

– Это работает, – прошептал я тихо. – Александр, старый циник... это работает.

Саашалас смотрел на меня с таким выражением, словно видел впервые:

– Глава рода, – сказал он, и его голос дрожал – впервые за сотни лет. – Вы... спасли его.

– Мы спасли, – поправил я. – Ты, я и Александр, который придумал эту теорию. А теперь – лечи остальных. Пропорции те же. Не больше десяти капель за раз. И наблюдай за каждым.

Саашалас кивнул и, не теряя времени, принялся за работу. Я отошёл в сторону, наблюдая, как шаманы суетятся вокруг раненых, как смешивают энергии, как вливают новое зелье в умирающих.

Через час первые из тяжелораненых начали открывать глаза. Через два – некоторые уже могли сидеть. Через три – Шилан, тот самый, что должен был умереть к утру, уже пил и пытался шутить с остальными.

Вышел из лазарета, чувствуя невероятную усталость и странное, почти забытое чувство – надежду.

Воины, отправленные за тёмной энергией, вернулись. Я

увидел их у хранилища – десяток фигур, нагруженных амфорами, светящимися привычным фиолетовым светом.

– Глава рода! – окликнул меня один из них, молодой воин по имени Шишаш. – Задание выполнено! Нашли три новых источника, набрали полные сосуды!

Я подошёл, хлопнул его по плечу:

– Молодцы. Сдайте энергию шаманам и отдыхайте. Вы заслужили.

– Слушаюсь!

Направился к внешнему куполу. Там уже работали шаманы – те двое, которых Саашалас выделил на его восстановление. Они летали вдоль границы защиты, затягивая разрывы, вплетая новую энергию в старую структуру.

– Как успехи? – крикнул я, подлетая ближе.

Старший из двоицы, Шиирас, обернулся ко мне. Его лицо было сосредоточенным, но довольным:

– Почти закончили, глава рода! Ещё час – и купол будет как новый. Можно будет закачивать энергию.

– Отлично. Закачаете – сразу докладываете.

– Будет сделано!

Облетел периметр, убедился, что всё идёт по плану, и вернулся в поселение. День, начавшийся с отчаяния и боли, заканчивался надеждой и верой в лучшее.

Новые открытия. Новые возможности.

Но...

Утром случилось то, что я и ожидал. Сигнал тревоги. Пе-

редышки нам почти не дали.

Взмыл в воздух и через пару мгновений был уже на месте. На нас медленно и неотвратно, надвигались «они». Новые «заготовки» Графини.

Они были другие. Не те твари, что позавчера. Эти были... меньше. Компактнее. Но от этого – не менее страшные.

Они двигались ровными рядами, как солдаты. Их тела были покрыты чёрной, блестящей чешуёй, а в глазницах горел ровный, холодный свет. Никаких лишних конечностей, никаких уродливых наростов – только идеально отточенные формы убийц.

Их было много. Очень много. Они заполняли горизонт, и их стройные ряды, ровные, как по линейке, внушали ужас своей организованностью.

В прошлый раз была толпа. Сегодня – армия. Вот на что Графиня потратила время.

– Приготовиться к обороне! – заорал я, и голос, усиленный магией, прокатился над поселением. – Все к куполу! Шаманы, готовьте энергию! Воины, занять позиции!

Поселение забурлило. Воины хватали оружие и бежали к границе защиты. Шаманы занимали места у источников. Женщины уводили детей в центр.

Я же стоял у края купола и смотрел, как приближается новая волна смерти.

Вот они подошли к самой границе и остановились. Ровно

в полуметре от защиты. И замерли.

Из их рядов вышла одна фигура. Больше остальных. Светлее. Почти человеческая.

Я узнал её.

Графиня.

Она была здесь. Лично.

Подошла к куполу вплотную, и я видел каждую черту её лица – то, что от него осталось. Обтянутый кожей череп, тлеющие глаза, щель рта, растянутую в улыбке.

– Саймон, или как там тебя, – прошелестел её голос, проникая сквозь купол, сквозь защиту, сквозь мои мысли. – Выходи. Поговорим.

Я сжал кулаки:

– Чего тебе надо, тварь?

– Того же, что и всегда, – она улыбнулась шире. – Тебя. Твой клан. Всё, что у тебя есть.

– Не дождёшься.

– О, я умею ждать. – Она провела когтистым пальцем по поверхности купола, и я видел, как защита пошла рябью в месте прикосновения. – Но знаешь, что самое смешное?

– Твой друг, Александр... Он уже мёртв, – её глаза вспыхнули ярче. – А ты всё ждёшь его, надеешься. Смешная, глупая тень...!

Сердце пропустило удар:

– Врёшь, – выдохнул я.

– Это правда, – она рассмеялась.

Почувствовал, как внутри закипает ярость – холодная, слепая, убийственная. Но где-то глубоко, под этой яростью, жила надежда.

Александр не мог умереть. Он просто не мог. Слишком хорошо я знал его упрямство и везение. Слишком много раз видел, как он выкручивался из безвыходных ситуаций.

– Даже если это так, – сказал, глядя ей прямо в глаза, – даже если он мёртв – мы не сдадимся!

– Сдадитесь, – прошептала она. – Все сдаются. Рано или поздно...

Она сделала шаг назад:

– Атака! – приказала своим солдатам. – Уничтожить всё!

И армия двинулась на купол...

Глава 5

Первые ряды тварей дрогнули и начали наступление на купол.

Я смотрел, как эта чёрная волна накатывает на нашу защиту, и внутри всё сжалось от дурного предчувствия. Шло повторение – те, кто касался купола, вспыхивали, начинали обугливаться и сгорать заживо. Их тела корчились в агонии, чешуя лопалась, из-под неё вытекала чёрная жижа, которая тут же испарялась с шипением.

Но в этот раз что-то изменилось. Не было криков.

Ни одного звука боли, ни одного предсмертного вопля. Только тишина – зловещая и неестественная. Тысячи тварей

горели молча, их рты открывались в беззвучных криках, глаза лопались, конечности отваливались, но они не издавали ни звука. Лишь треск горячей плоти, шипение испаряющейся слизи и смех Графини.

Он разносился над полем боя, проникал сквозь купол, сквозь мысли. Высокий, визгливый, безумный – он резал слух, заставлял зубы скрежетать, а руки – сжимать оружие до хруста в костяшках.

– Ха-ха-ха-ха-ха! – неслоь оттуда, где стояла эта тварь. – Горите, мои маленькие! Горите ярко!

– Шлисейс! – крикнул я, не оборачиваясь. – Доложи обстановку!

Командующий воинами подлетел ко мне, тяжело дыша. Его лицо было мрачнее тучи:

– Расход энергии очень велик. Причём растёт с каждой секундой. Этих тварей слишком много. Они лезут, не жалея себя. Если так пойдёт дальше, источники иссякнут через несколько часов.

Глянул на купол. Он был весь облеплен этими существами. Тысячи чёрных тел покрывали его со всех сторон, как мухи – гниющую падаль. Они лезли друг на друга, карабкались по ещё горящим собратьям, давили их, сбрасывали вниз, и всё новые и новые ряды занимали их место.

И они не кричали.

Эта тишина была страшнее любого воя. Она давила на

психику, заставляла сомневаться, не сходим ли мы с ума. Даже мои воины, выдавшие виды, стояли бледнее обычного, вцепившись в оружие побелевшими пальцами.

– Что они творят? – прошептал кто-то рядом. – Почему они молчат?

– Потому что Графиня забрала их голоса, – ответил ему. – Они не чувствуют боли. Не чувствуют страха. Только приказ.

– Боги... – выдохнул воин.

– У них нет богов, – оборвал я. – Только она. Приготовьтесь. Это только начало.

И словно в ответ на мои слова, купол начал меняться.

Сначала не понял, что происходит. Просто заметил, что его поверхность, обычно ровная и гладкая, пошла рябью. Потом увидел, как в некоторых местах защита начала выгибаться внутрь, словно под чудовищным давлением.

– Саашалас! – заорал, оборачиваясь к шатрам. – Что происходит?

Старый шаман уже бежал ко мне, его лицо было искажено тревогой. За ним спешили несколько помощников.

– Давление, глава рода! – крикнул он, запыхавшись. – Их слишком много! Они пытаются продавить купол своей массой!

– Я вижу! Что делать?

– Нужно усилить подачу энергии! Но если мы увеличим поток, источники иссякнут ещё быстрее!

Выругался так, что даже Саашалас вздрогнул:

– Усиливай! – рявкнул ему. – Лучше иметь шанс продержаться ещё час, чем умереть через пять минут!

Саашалас кивнул и бросился обратно. Шаманы засуетились у источников, кристаллы на их жезлах вспыхнули ярче, по куполу побежали новые волны энергии.

Но твари не отступали.

Они облепили купол со всех сторон, словно создав живой кокон вокруг нашего поселения, и этот кокон сжимался, давил, пытался сплющить защиту, чтобы купол не выдержал и треснул.

– Шаманы! Проверьте периметр! Ищите слабые места!

Несколько фигур взмыли в воздух и полетели вдоль купола, вглядываясь в его поверхность. Я следил за ними, затаив дыхание.

Да, они нашли.

На восточной стороне, в том самом месте, где вчера был самый сильный прорыв, купол начал истончаться. Сквозь его переливающуюся поверхность проступили тёмные пятна – словно синяки на коже. А потом появились дыры.

Маленькие, с кулак, но они были.

– Саашалас! – снова заорал я, указывая в ту сторону. – Там! Дыры!

Старый шаман обернулся, и я увидел, как его лицо вытягивается.

– Шиирас! Шайлас! – крикнул он своим. – Быстро к во-

сточному сектору! Залатайте прорывы!

Двое шаманов рванули к указанному месту. Я полетел за ними, чтобы видеть всё своими глазами.

Когда мы приблизились, открылась жуткая картина.

В куполе зияли три отверстия – каждое размером с голову взрослой тени. И в эти отверстия уже лезли твари. Они пытались просочиться внутрь, как вода сквозь плотину.

– Воины, ко мне! Не дайте им пройти! – призвал сокланов, выхватывая клинок.

Рубанул первого, едва успевшего пролезть по пояс. Меч вошёл в его тело, как в гнилое дерево – мягко, с хрустом. Чёрная жижа брызнула мне в лицо, обожгла кожу, но я уже замахивался на другого.

Воины подросли быстро. Они рубили тварей, не давая им собраться с силами. А шаманы тем временем уже накладывали заплатки на дыры, вливали свежую энергию в повреждённые участки.

Однако твари лезли. Их было слишком много.

Они продирались сквозь новые открывающиеся дыры, падали вниз, вскакивали и сразу бросались в атаку. Их когти, зубы, шипы – всё было направлено на нас, всё стремилось убивать.

– Держать строй! – кричу я, врубаясь в очередную группу.
– Не дайте им прорваться к поселению!

Шлисейс был тут как тут. Его клинок мелькал с такой ско-

ростью, что казался размытым пятном. Трое тварей упали замертво, даже не успев понять, что их убили.

– Глава рода! – крикнул он, отбиваясь сразу от двоих. – Их слишком много! Нужно подкрепление!

– Шейлас! Шилас! – заорал я, оглядываясь в поисках сыновей. – Ко мне! Со своими отрядами!

Они появились через десяток секунд – запыхавшиеся, но готовые к бою. За ними бежали десятки воинов, готовых рубить и убивать.

– Занимайте позиции! – скомандовал я. – Шейлас – левый фланг, Шилас – правый. Я в центре. Не дайте им прорваться!

Бой закипел с новой силой.

Мы рубили, кололи, резали не переставая. Твари лезли и лезли, но наши шаманы смогли залатать дыры, и у противника не стало подкреплений. Те, что успели просочиться, иссякли.

Я не знаю, сколько времени это продолжалось. Десять минут? Двадцать? Время потеряло смысл, осталась только бесконечная череда ударов, уклонений, блоков, смертей.

Но их самоубийственная атака возымела результат.

Купол, и без того ослабленный, начал сдавать. Там, где твари давили особенно сильно, появлялись новые трещины. Они расходились в разные стороны, как паутина, и сквозь них уже просачивалась чёрная жижа, из которых состояли тела врагов.

– Шаманы! – крикнул я, но понял, что они не успеют. Их было слишком мало, а трещин – слишком много.

Вскоре купол развалился.

Не сразу, не весь. Он начал расползаться в разные стороны, как старая ткань, которую тянут сразу в нескольких направлениях. Огромные куски защиты отслаивались и исчезали, открывая проходы для тварей.

– Всем приготовиться! – заорал что есть мочи. – Сейчас они повалят толпой! Держать строй! Не отступать!

И они действительно повалили.

Тысячи тварей хлынули внутрь через образовавшиеся бреши. Они падали с купола, как дождь, как саранча, как сама смерть, пролившаяся на наши головы.

Мы встретили их.

Я рубил направо и налево, не чувствуя усталости. Меч пел в руках, разрубая тела, ломая кости, разбрызгивая чёрную кровь. Рядом бились мои воины – и стар, и млад, и мужчины, и женщины. Все, кто мог держать оружие, встали в строй.

Но повторяю: их было слишком много.

Мои тени начали погибать. Увидел, как молодого воина разрывают на части сразу три твари. Как женщину-воина затапывают насмерть, не давая подняться. Как старый ветеран, прошедший сотни битв, падает с разорванным горлом, зажимая рану руками, из которой хлещет кровь.

– Отступаем! – скомандовал, понимая, что если мы останемся здесь, погибнем все. – К малому куполу! Медленно,

шаг за шагом, не разрывая строй!

— Глава рода! — Шлисейс подлетел ко мне, его лицо было залито кровью. — Мы не можем отдать им территорию! Там же...

— Мы отдаём им территорию, чтобы сохранить жизни! — рывкнул на него. — Выполнять!

Он кивнул и бросился передавать приказ.

Мы начали отступать. Медленно, шаг за шагом, отражая атаки, прикрывая друг друга. Твари наседали, но мы держали строй, не давая им прорваться и окружить нас.

Графиня парила над полем боя. Её лицо — то, что от него осталось — исказилось в гримасе ярости. Она поняла мой манёвр и пришла в бешенство.

— Не смейте! — завизжала она, и её голос пронзил воздух, заставив многих воинов пошатнуться. — Не смейте отступать! Я уничтожу вас всех! Всех!

Она взмахнула руками, и по остаткам внешнего купола пробежала дрожь. Он начал разрушаться ещё стремительнее, куски отваливались один за другим, открывая новые проходы.

— Быстрее! — крикнул своим. — Шевелитесь!

Мы почти дошли. До малого купола оставалось каких-то пять метров. За ним — наши семьи, наши дети, наша последняя надежда.

Твари лезли со всех сторон. Их становилось всё больше.

Казалось, им нет числа.

– Шейлас! – крикнул я, видя, что мой старший сын завяз в бою с тремя особо крупными особями. – Держись, я иду!

Прорубился к нему, снёс голову одной твари, разрубил пополам вторую, третью отбросил ударом крыла.

– Спасибо, отец! – выдохнул он.

– Не за что. Отходим, быстро!

Мы вбежали под малый купол за секунду до того, как внешний рухнул окончательно.

Звонкий треск разнёсся над полем боя – звук, от которого сердце пропустило удар. Обернулся и увидел, как огромные куски внешней защиты падают вниз, рассыпаясь в воздухе мириадами искр. Ещё мгновение – и от купола не осталось ничего.

– Все внутри? – спросил, оглядывая своих.

– Все, глава рода! – ответил Шлисейс, тоже оглядываясь.
– Никто не остался!

Смех Графини разлетелся над полем боя – торжествующий, безумный, леденящий душу.

– Видите? – закричала она, паря над нами. – Видите, как легко я разрушила вашу защиту? Вы в ловушке, тени! Малый купол не продержится и часа!

Я смотрел на неё, и внутри закипала холодная ярость:

– Посмотрим!

После разрушения внешнего купола все твари ринулись

на новую преграду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.